

Глава 1

С самого полудня барабаны отбивали ритм, похожий на биение гигантского сердца, ритм, на который нетерпеливо откликалось все существо Лилиа.

В полумраке хижины девушка была совсем одна, ее мать и другие женщины удалились, как только приготовления к свадебному обряду были завершены. Волосы и все тело Лилиа, щедро умащенные благовониями, маслянисто блестели, наготу прикрывала лишь новая капа, сотканная матерью для предстоящей церемонии.

Благодаря всем этим хлопотам девушка чувствовала себя как никогда прекрасной и полной жизни. Она молча ждала, лишь иногда бессознательно склоняя голову то к одному плечу, то к другому, чтобы ощутить шелковистое прикосновение своих волос, тщательно расчесанных и свободно падавших до самых бедер по обнаженной золотисто-смуглой спине.

Сквозь плетеные стены хижины проникал упоительный запах жареной свинины, и Лилиа жадно вдыхала его, хотя ни в прошлом, ни в этот день ей не разрешали отведать это кушанье. И свинина, и белое мясо акулы — табу для женщин.

И все же Лилиа знала дивный вкус жаркого. Ей не раз случалось тайком попробовать мясо и рыбу, и вовсе не из чувства голода, а из желания бросить вызов многочисленным табу. Большая часть их касалась только женщин, осложняя их жизнь и лишая множества удовольствий, доступных мужчинам. Нарушала табу не только Лилиа, но и ее наиболее дерзкие подруги, несмотря на то что послушание грозило тяжким наказанием, а порой и смертью.

4 Мужчины и их табу!

Мысли девушки невольно переключались от мужчин в целом к одному из них, Коа. Через несколько часов она станет его женой и будет счастлива. Плечи Коа так широки, что он вынесет тяжкое бремя власти, а руки достаточно сильны, чтобы побеждать в схватке с врагом и крепко обнимать ее. Эту ночь они проведут на ложе в хижине отдохновения...

При мысли об этом девушка радостно встрепенулась. Воистину боги милостивы к ней! Лилиа станет женой алии нуи, вождя и военачальника, ведь она и сама царственной крови. Ее мать — дочь вождя, да и отец был не из простых в тех местах, откуда явился на остров Мауи. Это означает, что союз с Коа угоден богам, поэтому они пошлют ей красивых здоровых детей, и сильная линия повелителей продолжится...

Дверь открылась, легкий сквозняк всколыхнул неподвижный воздух, запах благовоний усилился. Лилиа подняла голову и улыбнулась матери, чья высокая полная фигура заполнила почти весь дверной проем. Акаки ответила широкой радостной улыбкой.

— Готова, дитя мое?

Лилиа молча кивнула.

— Вот свежие цветы.

Акаки тяжело опустилась на колени, вынула чуть подвявший белый цветок из волос дочери и заменила его другим, а точеную шею украсила гирляндой, источавшей нежный, волнующий аромат. Сделав Лилиа знак подняться, она потуже затянула на ее тонкой талии новую капа и, наконец, протянула что-то на раскрытой ладони. Девушка увидела искусно вырезанную из дерева женскую фигурку на тонком кожаном ремешке.

— Это Пеле, — тихо сказала Акаки. — Она принесет тебе счастье и удачу — так же как моей матери и мне.

Девушка порывисто обняла ее и прижалась щекой к щеке в безмолвной благодарности. Когда она отстранилась, глаза ее были полны слез.

— И да буду я достойной женой и матерью, чтобы ты могла гордиться мной.

Акаки снова обняла дочь, благословляя ее, и они 5
покинули хижину. После полумрака, в котором по
обычаю, невеста ожидала брачной церемонии, ранний
южный вечер казался ослепительно ярким.

Лилиа ступила в свадебную лодку, разубранную гирляндами благоухающих цветов. Когда весла опустились в воду и судно не спеша отошло от берега, девушка испытала великое счастье и гордость. Да и могло ли быть иначе? Ведь она уплывала к прекрасному будущему, сулившему ей любовь Коа и почетную долю супруги вождя.

В назначенном месте гребцы подняли лодку на весла и понесли. Поскольку это было тяжелое, громоздкое сооружение из целого китового остова вместе с ребрами, для его переноски понадобилось восемнадцать крепких воинов. Лилиа гордо восседала рядом с матерью, по обычаю делившей ее триумф.

В стороне от смуглых золотокожих островитян стояли двое белых — единственных белых на всем острове.

— Это надо же: такие церемонии ради какой-то туземной сучонки! — вполголоса заметил худощавый. — Что скажете, ваше преподобие?

— Что не выношу бранных выражений, мистер Радд, — отозвался Исаак Джэггар.

— Если вы так пылко выступаете в защиту этой девчонки, то почему бы вам не поучаствовать в их языческом ритуале? — язвительно осведомился Эйза Радд.

— Несмотря на низкую мораль и неверие в Господа нашего, Лилиа Монрой остается созданием Божьим. Кроме того, туземная женщина все-таки женщина, мистер Радд, поэтому заслуживает уважения.

— Ах, ах! Куда нам тягаться в споре, ваше преподобие! — рассмеялся худощавый. — Уж вы и штучка!

Исаак Джэггар передернулся, но промолчал. Он считал Радда человеком вульгарным и к тому же безбожником, но ему приходилось мириться со столь неподходящим обществом, раз уж тот хоть отчасти сочувствовал делу обращения язычников к Богу. Более всего Джэггару претил противный кудахчущий смех Радда, которым он раздражался по любому поводу.

6 Этих мужчин, ни в чем между собой не схожих, связывала только общая цель. Радд, невысокий и тощий, отличался поразительной подвижностью. Очень темный загар дополнял его сходство с тараканом. По типу он походил на лондонского прощелыгу. Джэггар, нескладный и угловатый, словно состоял из крупных тяжелых костей и выпирающих сочленений. Даже его крупный нос резко выдавался вперед на угрюмом лице. Двигался он неуклюже и медлительно и через слово сыпал цитатами из Библии. Зато Радд говорил на жаргоне лондонских низов.

— Где же все-таки Лопака? — недовольно спросил он. — Без него нам и шагу не ступить. Он обещал быть...

— И я здесь, Эйза Радд, — прозвучал гортанный голос сзади.

От неожиданности белые вздрогнули и быстро обернулись. Во внезапно наступившей тьме статный могучий туземец выглядел внушительно, почти пугающе. Американинец Джэггар, увидев его, каждый раз вспоминал индейцев Великих равнин, ибо меднокожий Лопака с его черными как уголья, пронзительными глазами очень походил на них. В нем ощущалась дикость и скрытая жестокость изголодавшегося волка. Он не ведал сомнений, колебаний и милосердия. Иногда Джэггара смущало, что он заодно с таким человеком. Однако мысль, что пути Господни неисповедимы, успокаивала его. Если только такой союзник поможет добиться цели, значит, на то воля Божья.

Между тем Радд нетерпеливо обратился к Лопাকে:

— Ну что? Все готово?

— Я готов, Эйза Радд, — ответил туземец своим глубоким рокочущим голосом, подчеркнув слово «я».

На его могучем торсе не было ничего, кроме куска ткани, называемого у мужчин мало, но даже полунагой он выглядел величественно.

— Перед самым началом брачной церемонии я подам сигнал воинственным криком. Крикну только раз, поэтому держите уши открытыми.

С этим он двинулся прочь, и вовсе не крадучись, а неторопливым шагом уверенного в своей силе человека. Скоро Лопака исчез из виду, словно растаял в сгущавшемся мраке.

— Чтоб мне пропасть! — не удержался Радд. — От 7
этого типа у меня мурашки по коже!

— Тем больше заслуги в том, чтобы обратить его к Гос-
поду, — благочестиво возразил Джэггар.

— Что? Лопаку? Да его разве только к дьяволу обратишь!
Подоспел назначенный час.

Лилиа сделала шаг из хижины и оказалась в круге света,
отбрасываемого сотней факелов. По другую сторону освещен-
ного круга находилась еще одна хижина, точно такая же, как
эта. Оттуда появился Коа. Он выглядел по-королевски в цере-
мониальном плаще и богато украшенном головном уборе.
В отблесках света украшения сверкали, как драгоценности.

Воцарилась полная тишина, даже барабаны умолкли,
когда молодые люди двинулись навстречу друг другу. Мед-
ленно-медленно ступали они под свадебную песнь, кото-
рую завел высокий и чистый голос:

Небеса окутаны тьмой,
Тяжелы грозовые тучи,
Темные тучи на небосклоне.
Огненный вспыхнул столб,
И гром раскатился могучий,
Оглушительный гром небесный.
Эхом донесся он до Ку-хаили-ноэ,
До Хаи-лау-ахеа.
Озари, небесный огонь,
Женщину, что была одинока,
Словно горестный крик во тьме.
Она больше не будет одна,
Ей есть с кем делить свое ложе
В холодные зимние ночи.
Радость придет в Ку-хаили-ноэ,
В Хаи-лау-ахеа.
Светлеет небо над Хакои-лани,
Домом отдохновения,
Домом для новобрачных.
Здесь ждет их тихая пристань,
Ждет их гавань блаженства,
Светлый рай на земле...

8 Короткий крик перебил песню. Резкий и пронзительный, ледящий кровь, он диссонансом ворвался в благоговейную тишину. То был воинственный клич, сигнал к атаке, и Лилиа узнала его, хотя на островах много лет царил мир.

Девушка замерла в нескольких дюймах от своего нареченного, едва сдержав испуганный возглас. Но она отчаянно закричала, когда из темноты позади Коа вылетело оперенное копьё. Увы, Лилиа опоздала. Молодой вождь дернулся всем телом, закинул руки за спину, пытаясь вырвать копьё, так глубоко вонзившееся в тело, что окровавленный наконечник вышел из груди.

Взорвавшись криками, толпа бросилась к оседавшему на землю Коа и закрыла его от Лилиа. Девушка, рыдая, попыталась пробиться к нему и на миг увидела, что Коа лежит на земле, но ее тут же схватили и оттащили назад. Ошеломленная случившимся, Лилиа не сразу осознала, как ее увлекли в тень под деревья. Когда же ей скрутили руки и перекинули через чье-то тощее плечо, сопротивляться стало поздно.

Похититель устремился прочь вместе со своей пленницей. Девушка извивалась, но ее держали точно клещами. Лилиа видела, как быстро удаляется круг света, и неожиданно ее охватило предчувствие, что она никогда больше не ступит в него.

Похититель между тем бежал рысцой, шумно, с присвистом дыша. Его тощее плечо причиняло Лилиа боль, но куда сильнее были муки душевные. Ее неотступно преследовало безмятежное, словно спящее лицо Коа. Постепенно девушка впала в тупое оцепенение.

Внезапно похититель остановился и сбросил девушку с плеча так небрежно, что она ударилась головой обо что-то твердое. Погрузившись в беспамятство, Лилиа, к своему счастью, забыла на время о душевной боли.

Очнувшись, девушка не сразу вспомнила, что с ней случилось. Возможно, она забыла бы и о том, как ударилась головой, если бы не боль в затылке. Открыв глаза, Лилиа увидела лишь крошечную тьму. Неужели она потеряла зрение?

покачивался. Как и все островитяне, с детства знакомые с морем, Лилиа хорошо знала ритмичное дыхание широкой океанской груди. Однако на сей раз, она была не в каноэ. В прошлом девушке приходилось бывать на громадных судах белых людей, поэтому она догадалась, что находится в одной из самых нижних кают, где нет окон и куда не проникает дневной свет.

Ощупав пространство вокруг себя, девушка убедилась, что лежит на койке, не прикрытой даже тюфяком. Спустившись на чуть покачивающийся пол, она шагами измерила размеры своей тюрьмы. Каюта оказалась совсем крохотной, куда меньше хижины, которую Лилиа делила с матерью.

Мысль о матери тотчас вызвала в памяти вчерашние события, а вместе с воспоминаниями вернулась душевная боль. Лилиа бросилась на дощатую койку и закрыла голову руками, едва слышно повторяя: «Ауве, ауве!» — возглас горя и тоски у жителей Мауи.

Суждено ли ей еще раз увидеть мать? А Коа? Коа больше нет, он мертв и для мира, и для нее, предательски убит в спину!

Когда-то Лилиа услышала от своего отца англичанина Уильяма Монроя такие слова: «Дорогая моя, говорят, что человеку кроткому и добродетельному воздастся сторицей. Я бы сказал, это всего лишь теория. Она может воплотиться для тебя в жизнь, но если нет, не вини за это меня».

Ироничный Уильям Монрой за словом в карман не лез и частенько говорил горькие истины, однако у него было доброе и любящее сердце. Лилиа свято верила всему, что слышала от него и от матери, не раз повторявшей: «Наш народ придуман много нелепых табу, доченька, особенно для нас, женщин. А по мне, есть два главных закона жизни: не совершать того, чего будешь стыдиться, и не причинять вреда другим».

И Лилиа жила все семнадцать лет, следуя этим неписаным законам. Ни разу она не совершила постыдного поступка и, кажется, никогда еще не причинила никому вреда. Так же жил и ее избранник, красивый и добрый Коа, и все же его убили, а ее похитили в ночь свадьбы!

10 Долго без слез оплакивала Лилиа свою утрату, пока в двери не заскрежетал ключ. Услышав этот звук, девушка села, обхватив колени руками.

На пороге она увидела мужчину, который, держа над головой масляный светильник, знакомым движением раскачивался на пятках. Когда Лилиа догадалась, кто это, сердце у нее упало. Свет, упавший на лицо мужчины, подтвердил ее догадку. То был Эйза Радд, тот самый белый, что дважды подходил к ней за прошедшие недели, выражал желание познакомиться поближе. Его манеры, развязные и наглые, оттолкнули девушку, поэтому каждый раз она поворачивалась к нему спиной.

Заметив ее реакцию, Радд гадко расхохотался.

— Что, принцесса, узнала? Я говорил, что легко от меня не отделаться! Когда со мной не хотят разговаривать, я добиваюсь своего, так-то вот!

— Зачем я здесь, Эйза Радд?

Тот поднял светильник еще выше, чтобы свет упал на полуобнаженное тело Лилиа.

Как и все туземные женщины, она носила только кусок ткани, завязанный на талии. Верхняя часть тела оставалась открытой. По понятиям белых, такая одежда была непристойной, но жители Океании пренебрегали мнением чужеземцев. Они не стыдились своего тела, тем более если были хорошо сложены. И уж если кто и мог гордиться своим стройным телом, так это Лилиа. Впрочем, девушка не отличалась тщеславием, хотя и сознавала, что у нее безусловно чистая кожа, стройные длинные ноги, округлые бедра и высокая грудь. Роскошные, как у Акаки, волосы Лилиа темными волнами ниспадали ниже талии, лишь черты лица выдавали в ней полукровку.

У туземок были несколько приплюснутые носы, широкие ноздри, слишком полные, на взгляд европейца, губы и черные, как южная ночь, глаза. Все это смягчила кровь Уильяма Монроя. У Лилиа был прямой аристократический нос, полные, изысканно очерченные губы и удивительный цвет глаз. Восхищенный европеец назвал бы его медовым.

Угадывая в пристальном взгляде Радда что-то оскорбительное, но не умея определить, что именно, девушка

поднялась с врожденным достоинством. Тревогу ее 11
выдавали лишь пальцы, сжимавшие резную фигурку — подарок матери. Наконец девушка поняла, что впервые испытывает стыд под мужским взглядом.

Радд направился к ней. Его намерения не внушали сомнений.

— Чтоб мне пропасть, ты лакомый кусочек, девочка!

Страх Лилиа усилился, но она выпрямилась, расправила плечи и гордо вскинула голову.

— Посмей только коснуться меня, Эйза Радд! Клянусь Пеле, ты пожалеешь об этом!

Он замешкался, поскольку помнил, какую силу и ловкость выказывала Лилиа во время состязаний туземной молодежи. Девушек она побеждала всегда, а в заплывах обгоняла и юношей, что не так-то легко в высоких волнах прибоя.

— Я человек деловой, — сказал Радд. — Прежде всего выгода, остальное потом. Только круглый дурак портит товар, на который может сыскаться хороший покупатель.

— О чем ты говоришь? Ведь ты не работоровец! Ты не продашь меня как рабыню!

— Чтоб мне пропасть, ну и выдумала! Конечно, я не работоровец, но за тебя можно выручить много и не продавая в рабство.

— Что у тебя на уме?

Радд погрозил девушке пальцем.

— Нет, моя любопытная малышка, пусть это будет для тебя сюрпризом.

С этими словами он направился к двери.

— Прошу тебя... — Лилиа, сама того не желая, последовала за ним. — Скажи хотя бы, сколько ты намерен держать меня в этой... этой клетке!

— В клетке, говоришь?.. — злобно рассмеялся Радда. — Советую тебе поскорее привыкнуть к этой клетке, потому что ты проведешь в ней очень долгое время. Настолько долгое, что... кто его знает... возможно, ты даже не отвергнешь кое-каких знаков моего внимания. Чтоб мне пропасть, ты поймешь, что я не так уж плох!

Лилия проснулась от скрипа корабельной лебедки и оживленных мужских голосов. Легкое покачивание днища все усиливалось. Судно отходило от берега!

Девушка спустилась на пол. Короткий сон не освежил ее, а между тем врожденное чувство времени говорило, что уже наступил рассвет. Охваченная отчаянием, она с минуту барабанила в дверь, но никто не явился на стук, и Лилиа лишь расшибла кулаки о крепкие тиковые доски.

До этого момента она не позволяла себе предаваться отчаянию, но теперь скользнула на пол и заплакала.

— Моха, — наконец прошептала девушка, прощаясь со всеми, кто был ей дорог: с матерью, которую не надеялась больше увидеть, с Коа, навеки потерянным для нее, с подругами и с Мауи, ее родным островом.

Чтобы не поддаться боли, Лилиа заставила себя думать о счастливом прошлом, об отце, теперь уже мертвом, о том, каким он увидел остров, впервые ступив на него семнадцать лет назад...

Если верить словам Акаки, в 1802 году белый человек был редким гостем на островах. Должно быть, и местные жители поначалу казались странными Уильяму Монрою, выходцу из Англии. Однако он легко приспособился к новому окружению, и туземцы вскоре привыкли к нему. Когда Лилиа подросла, он сказал ей:

— Я родился не там, где следовало, и в неподходящее время. Здесь жизнь, для которой я создан. Здесь нет ни поместий, ни унылой обязанности управлять ими. Только свобода — свобода есть, пить, созерцать, любить. Поверь, дорогая, если бы я знал, что существует на свете этот рай земной, то открыл бы его для себя гораздо раньше!

О да, Уильям Монрой был создан для острова Мауи. Скоро он стал любовником Акаки, потом мужем, а затем отцом ее дочери. Поскольку Акаки была из рода вождей, ее мужу не приходилось выполнять никаких обязанностей. Он удил рыбу и охотился только для собственного удовольствия, но чаще плавал в лагуне, нежился на горячем песке, потягивал легкий алкогольный напиток околеу, занимался любовью с женой.

Почти все жители деревни любили этого обая- 13
тельного человека, не говоря уж об Акаки. Супруги
не сходились лишь в одном. Уильям Монрой желал, чтобы
дочь получила хотя бы основы образования белых людей
и научилась их языку. Акаки не считала это необходимым,
но он возражал, повторяя снова и снова:

— Единственное, что я могу сделать для Лилиа, — это
научить ее всему, что знаю сам, а знаю я немало. Даже
слишком много, при том что образование никогда не зани-
мало меня.

— Зачем нашей дочери знания белых?

— Мой тропический цветок, они необходимы ей, ибо
недалеко то время, когда белые придут и сюда. Как чума,
они заразят своим присутствием ваши чудесные острова.
Когда это случится, знание их языка принесет пользу Ли-
лиа. Предоставляю тебе, Акаки, учить нашу дочь тому, что
позволит ей стать кому-то хорошей женой, но позволь и мне
внести свою лепту. Поверь, если в жилах течет кровь двух
разных народов, полезно иметь понятие о каждой из культур.

Наконец Акаки уступила, как уступала всегда, подда-
ваясь неотразимому обаянию мужа, поэтому с десяти лет
Лилиа, наделенная живым умом, проводила два часа в день
с отцом, быстро схватывая и усваивая знания. Вскоре она
овладела английским, получила представления о географии
и истории. Уильям располагал лишь парой потрепанных книг:
географией с отличными картами и историей становления
английского государства с иллюстрациями, — но основным
источником знаний были для Лилиа рассказы отца.

Уильям Монрой не касался только одной темы — прош-
лого. Не откликаясь на просьбы, он никогда не говорил
о жизни в Англии. Со временем девочка поняла, что и мать
знает об этом не больше, чем она. Повзрослев, Лилиа при-
шла к выводу, что отец скрывает какую-то тайну. Как-то
раз она услышала обрывок разговора матери с заезжим
ученым. В нем прозвучало слово «изгнанник». Именно
так назвал отца Лилиа белый человек. Не зная смысла
этого слова, Акаки попросила объяснений. Ее собеседник,
английский антрополог, исследователь истории, обычаев
и быта туземцев, сказал:

14 — Дорогая моя, как правило, это сын богатого знатного влиятельного человека, впавший в немилость и высланный из страны. Нет, не законом, а собственным отцом, не желавшим более терпеть его присутствие. Молодой человек отправляется, например, в Индию или на острова, где получает по почте ежегодное содержание от своего родителя при условии, что никогда больше не ступит на родную землю. Возможно, так случилось и с вашим супругом.

Сначала Лилиа с горечью решила, что отец совершил какой-то низкий, бесчестный поступок, однако потом изменила мнение. Белые тоже имели свои табу, хотя и непонятные для островитян. Возможно, отец нарушил одно из них. Позже она усомнилась и в этом, поскольку Уильям Монрой никогда не получал с родины не только денег, но и писем.

Впрочем, будь он и в самом деле изгнан из Англии, это не умалило бы любовь к нему Лилиа. Она обожала отца и тянулась к новым знаниям, хотя это отчасти отдаляло ее от других девочек-островитянок, изучавших лишь то, что могло пригодиться в будущей семейной жизни. Однако они, добродушные и терпимые, не ставили Лилиа в вину избыток знаний, что удивляло и радовало Уильяма Монроя.

— Поистине это странно, — однажды заметил он. — Мило, но странно. В любой так называемой цивилизованной стране, если юная леди выделяется из своего окружения знаниями или умом, на нее смотрят косо, а то и вовсе избегают общения с ней.

Как только урок заканчивался, девочку предоставляли самой себе. Ее подругам приходилось выполнять разного рода обязанности: например, помогать в приготовлении пищи. В жилах Лилиа текла царская кровь, и поэтому она располагала своим временем, вволю купалась, загорала, гуляла, надеясь однажды встретить того, кто станет ей сначала любовником, а потом мужем.

Коа был племянником Акаки. К тому моменту, когда Лилиа познакомилась с ним, большинство ее подруг уже обзавелись возлюбленными, как то предписывал обычай. Лилиа, пылкая и страстная, почему-то медлила, хотя у нее

не было недостатка в поклонниках. Только в шестнадцать лет она встретила свою судьбу. 15

В тот день Коа впервые приплыл из своей родной деревни Лааина, и девушка поблагодарила судьбу за то, что не поспешила с выбором. Очень высокий, Коа был так хорошо физически развит, что брюшные мышцы, казалось, выпирали из тонкой мало, а широкая грудь и плечи казались могучими. Глаза его, бездонные и темные, напоминали глубь семи священных озер. Держался он с достоинством будущего вождя.

Струи водопада перенесли девушку из одного озера в другое, когда она заметила стройного и высокого Коа. Скрестив руки на груди, он стоял на выступе скалистого берега. Одно мгновение — и кровь Лилиа вспыхнула огнем.

Откинув мокрые пряди волос, девушка поплыла туда, где стоял красивый незнакомец. Он, казалось, ждал ее.

— Мое имя Коа.

— Я слыхала о тебе, куа апа, старший брат. Ведь ты племянник моей матери Акаки. Я — Лилиа.

— Я тоже много слышал о тебе, Лилиа.

Коа засмеялся весело и искренне, сверкнув ровными зубами, сияющими белизной на фоне смуглой кожи, и прыгнул в озеро. Вынырнул он поблизости от девушки.

Они плавали, ныряли и дурачились в воде, стараясь произвести впечатление друг на друга. И это удалось. В этот первый день они прониклись уважением друг к другу за то, что чувствовали себя в воде как рыбы.

Это был первый счастливый и безмятежный день для Лилиа за целый год, поскольку она очень тосковала по отцу (Уильям Монрой пал жертвой тропической лихорадки). Забыв обо всем на свете, Лилиа с готовностью пошла с Коа под сень деревьев.

Они опустились на мягкую траву на полянке между кокосовыми пальмами и хлебными деревьями. Тень от громадных листьев папоротника бросала на лицо Коа узор, подобный кружеву. Ветер доносил аромат цветов гибискуса, в ветвях ворковали птицы.

Сначала, как и в озере, молодые люди обменивались шутками, поддразнивали друг друга и дурачились, но по-